

ВАЛЕНТИНА
ЭЛИМЕ

КРЕПОСТНАЯ
(НЕ)СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ
ПОПАДАНКИ

Валентина Элиме

Крепостная. (Не)
сладкая жизнь попаданки

«Литнет»

2025

Элиме В.

Крепостная. (Не) сладкая жизнь попаданки / В. Элиме —
«Литнет», 2025

Авария на дороге отняла у меня жизнь и переместила аж в 1830 год. Теперь я в теле крепостной Настасьи, жизнь которой вовсе не сахар. Но я намерена дожить до лучших времен! И в этом мне поможет барин, что выращивает сахарную свеклу! Не мой ли он родственник случаем? А наглых соседей, что хотят отобрать у нас земли, поганой метлой прогоним. Пусть они и Гущины и их сын посматривает в мою сторону весьма двусмысленно. Одного мне хватило, из-за которого я оказалась в прошлом. Второго не надо! В книге вас ждут: деятельная попаданка упертый и обаятельный герой фиктивный брак, но не надолго альтернативная Российская империя обязательно ХЭКнига участвует в литмобе «Империя попаданки». Все книги по ссылке

© Элиме В., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

Глава 1. Не Шашкова!

Анастасия Шашкова

– Таким образом, ошибка паспортистки в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году, что принимала заявление от моего прадедушки для получения паспорта, стоила нам не только новой фамилии, но и потери имени рода, как и его заслуг. С того момента из Шишковых мы стали Шашковыми. Но с уверенностью могу сказать, что добыча сахара из сахарной свеклы изначально начался именно с нашего рода – рода Шишковых. Всем известный нам петушок тоже придумал мой родственник – барин Николай Петрович Шишков. Сейчас я единственная представительница нашего рода, как и рода Шишковых. Живи я во времена Российской империи, когда правил Николай I, была бы самой настоящей барыней. Дерево нашего рода...

Продолжить доклад мне не дали. Аудитория взорвалась от оглушительного смеха. Я одна стояла перед доской и студентами целого потока первого курса вся красная, как вареный рак. Да, не стоило мне говорить про барыню...

– Шишкова, теперь к тебе нужно обращаться не иначе как барыня? – и задние ряды снова загоготали.

Балагур Тимур, заводила всех ребят не только нашего потока, но, как оказалось, чуть ли не всего университета, встал в проходе и отвесил мне шутовской поклон.

– Чего изволите, барыня Шишкова? Подать вам чаю или карету? Сию секунду все сделаем. Холопы в вашем распоряжении. Только не извольте сердчать на нас.

Ребята снова дружно рассмеялись, поддерживая мажора.

– Гушин! – одернул его преподаватель по истории. – Хватит паясничать. В отличие от тебя и твоих друзей, Шашкова единственная, кто сделала реферат и достойно его представила. Присаживайся, Анастасия. За прекрасную работу тебе “отлично”, а всем остальным неуд. Тебе зачет автоматом.

Слова Александра Николаевича, заслуженного профессора по истории, заставили всех застонать. Я же внутри себя возликовала. Мои старания были вознаграждены.

“Там вам и надо!” – злорадно подумала про себя и спокойно прошла за парту в первом ряду.

– Тише, тише, – пытался успокоить ребят профессор Абрамов. – Кто не сдаст работу вовремя, не получит допуска на зачет. Вы все обязаны знать про свой род хоть что-то.

Теперь ненавистные взгляды однокурсников обратились в сторону Гушина. Ведь именно он уговорил ребят не писать реферат. Но Тимур лишь отмахнулся от них, и я тут же почувствовала, как его глаза впились мне в спину.

“Будет мстить”, – пронеслось у меня в голове.

Наше противостояние с Гушиным началось чуть ли не с первых дней учебы. И я до сих пор не понимала, чем ему не угодил. На шею ему ее вешалась, как делали почти все девицы нашего потока. Под его ногами не путалась, у нас с ним были разные компании и места для развлечений. Тимур предпочитал пафосные клубы, я же предпочитала книги и уединение. Потому и не обзавелась ни одной подругой. С нашего потока я более-менее общалась только со старостой группы Алисой Кораблевой. Сейчас она болела и не ходила на пары. Гушин же поддевал меня по поводу и без. И я совершенно не понимала, зачем он поступил учиться в агротехнологический университет, как и то, зачем он изводил именно меня.

Мы с Гушиным были из разных миров. Он – представитель золотой молодежи Рязани, который родился с золотой ложкой во рту, я же приехала в город из поселка городского типа. Его обязывали ходить в институт на пары, для меня же получение диплома было единствен-

ным, что в дальнейшем могло помочь мне встать на ноги и стать известным человеком, как и мой дальний родственник. В учебе я была первая.

– Раз больше никто не готов, то отпущу вас заранее, – выдал Александр Николаевич. – У вас же последняя пара, как я знаю.

На этот раз студенты загудели одобрительно. Ребята не стали терять напрасно ни минуты. Быстро закидали тетрадки в сумки и поспешили покинуть аудиторию. Одна я не торопилась. Мне не хотелось пересекаться с Гущиным и ему подобными на парковке. В мою сторону снова посыпались бы смешки. Дело в том, что от родителей мне досталась машина. Девятка. Изредка, но я все же приезжала на ней в университет, чтобы потом тут же поехать в поселок, не заезжая в общежитие. Впереди были выходные, и мне хотелось провести их в родном доме. Моя машина ни в какое сравнение не шло с их иномарками, но была дорога мне как память.

Попрощавшись с профессором и покинув аудиторию, я решила заглянуть в библиотеку, чтобы уж наверняка не встретиться с Гущиным. Мне хотелось верить, что он уедет куда-нибудь с друзьями посидеть в кафе и снова и снова обсуждать девушек, что так и липли к ним, как пчелы к цветам, а не выжидать меня на парковке университета.

Но как же сильно я ошибалась...

– До скорого, Анастасия, – помахала мне рукой библиотекарь.

Я тепло улыбнулась Марии Максимовне и притворила тяжелую дверь в архив. Именно здесь я откопала информацию про своего родственника Шишкова и почему теперь носила фамилию Шашкова. И мне осталось дойти до парковки, прогреть машину и доехать до поселка городского типа Октябрьское, откуда я и была родом. Всего час пути, и я окажусь дома, в родных стенах, пусть и в пустых.

Задумавшись о своем и родителях, которых потеряла всего полгода назад, я забыла осмотреться перед тем, как выйти на парковку. Потеряла бдительность, уверенная в том, что в пятницу никто в университете не задержится. Это и было моей ошибкой. Стоило мне оказаться рядом со своей девяткой, как меня окликнули.

– Сахарная барыня решила поехать на своей карете? – услышала я голос Гущина и напряглась. Правда, отвечать ему не стала. Вдруг ему надоест говорить в одну сторону и он отвяжется от меня быстрее.

Открыла заднюю дверь и сгрузила туда рюкзак и книги, что взяла почитать на выходные. Зимними вечерами все равно дел находилось немного, так хоть займусь учебой.

– Уверена, что доедешь в такую погоду? – Тимур впервые снизошел до такого вопроса, что я замерла. – Настя, я с тобой разговариваю.

Удивительно! Оказывается, он знает мое имя и даже умеет нормально разговаривать.

Развернулась к нему лицом и взглянула на него удивленными глазами.

– Я вожу машину с шестнадцати лет, с позволения и разрешения отца, – сообщила мажору, вскинув голову. Пусть знает. – По достижении совершеннолетия сразу получила права, сдав теорию и вождение с первого раза. Умею водить не только легковой транспорт, но грузовик с трактором. И дорогу до дома я знаю как свои пять пальцев. Каждый поворот и каждую яму. С чего тебе переживать за меня?

– Погода портится, – сообщил мне Гущин, оглядываясь по сторонам. – Даже опытные водители не рискнут выйти в дальнюю дорогу в такой день. Ты же живешь в пригороде?

Я посмотрела по сторонам. И поежилась. Гущин был прав. Погода портилась, и стремительно, будто боялась не навалить достаточно снега. Он падал хлопьями и кружился в воздухе перед тем, как попасть на землю. К тому же, ветер начал усиливаться. Нужно было поспешить добраться до дома. Мне не хотелось проводить выходные в общежитии.

– Пока, Гущин, – попрощалась я с однокурсником и открыла переднюю дверь своей любимой и родной девятки. Но сесть за руль мне не жали, удержав дверь

– Настя, будь благоразумной, – стоял на своем Гущин. – Ты не доедешь в такую погоду.

– Если ты и дальше будешь меня удерживать, то точно не доеду, – немного зло проговорила я. – Но чем скорее я тронусь, тем быстрее доеду до дома, пока погода совсем не испортилась. Руки убери от моей машины, Гушин. Вдруг еще запачкаешь их.

Тимур некоторое время смотрел мне в глаза в упор. Эмоции в нем бурлили, но он сдерживал себя.

– Сегодня в общежитии Никифоров соберет весь поток, – вдруг сообщил мне Тимур. – Ты тоже приглашена. Оставайся в городе. Развеешься, побудешь с ребятами. Я приглашаю.

Я удивленно подняла брови. Он сейчас серьезно? Все четыре месяца издеваться надо мной, а тут он зовет меня на вечеринку? Внутри меня зашевелился червячок недоверия. Что, если они опять будут издеваться? С них станется подсыпать мне в питье что-то запрещенное и потом снять на видео. Нет уж, увольте. Не нужно мне такого сомнительного счастья. Я лучше рискну и доеду до дома черепашей скоростью, чем перестану осторожничать и доверюсь Гушину. Только не ему.

– Спасибо за приглашение, но откажусь, – дернула дверь на себя, чтобы вырвать его из рук Гушина.

У меня получилось. Тимур больше не делал попыток меня остановить. Он сделал шаг назад, продолжая смотреть на меня и нервировать. Еще и машина завелась не с первого раза, словно железяка без души попала под очарование Гушина. Но я упорно поворачивала ключ в зажигании, и с третьей попытки добилась своего. Мотор моей девятки заурчал.

Я плавно вырулила с парковки университета, на прощание улыбнувшись Гушину и помахав парню рукой. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах я успела заметить беспокойство. Неужели обо мне?

Чушь!

– Это же сам Гушин! – вслух проговорила я, вцепившись в руль. – Ему не до простых смертных, как я.

Он все четыре месяца учебы травил меня со своими друзьями, а теперь, получается, изменился?

Не верю!

Улучив момент, когда остановилась на красный свет светофора, заглянула в студенческий чат, куда меня добавила староста. Свое настоящее имя я там не светила. Именно там можно было узнать насчет споров и прочего. На удивление, там было тихо. Нигде мое имя не фигурировало. Лишь пару сообщений про преподавателей, которые не стыдились брать от студентов “благодарности” в твердой валюте.

Чертыхнулась и бросила телефон на сиденье рядом. Теперь мысли о Гушине и его приглашение не давали мне покоя.

Что ему от меня было нужно?

Вскоре у меня получилось выкинуть Гушина из головы. Погода разыгралась не на шутку, но я все равно намерена была доехать до родного дома. Снежная пелена впереди становилась все плотнее. Слава богу, я успела выехать из города на трассу и проехать некоторое расстояние. Дороги замело не так сильно. Я крепче вцепилась в руль, пытаюсь разглядеть дорогу сквозь летящие снежные хлопья. Дворники еле успевали расчистить лобовое. Ветер выл, словно голодный зверь. Временами казалось, что он бросает машину из стороны в сторону. Теперь я всю осознала, что ехать в такую погоду была не самой лучшей моей идеей, но мне так хотелось провести выходные дома. И все же стоило признать, что Гушин был прав.

Фары едва пробивали белую завесу, выхватывая из темноты размытые очертания дорожных знаков. Дорога, и без того узкая, казалась теперь бесконечным белым туннелем. Я снизила скорость почти до минимума, но это не помогало: машину все равно начинало заносить на поворотах. Каждый раз, когда колеса теряли сцепление с асфальтом, мое сердце замирало в груди, а в ушах раздавался голос Тимура.

“Настя, будь благоразумной!”

В салоне было тепло, но пальцы на руле предательски дрожали. Я включила радио, чтобы хоть музыка немного успокоила меня, но сквозь треск помех можно было разобрать только обрывки новостей о надвигающемся буране.

“Нужно было остаться в городе», – промелькнула мысль, но я тут же отогнала ее. Я не знала, благими намерениями или для своих издевательств Гуцин пригласил меня на вечеринку Никифорова. Все же стоило перестраховаться. Если он хотел видеть меня на вечеринке, но она у них не последняя, а до дома было всего час пути, порой и того меньше, когда погода и дорога благоволили.

Очередной порыв ветра бросил машину вбок. Я резко выкрутила руль, и автомобиль, словно живой, заскользил по обледенелой дороге. Секунды растянулись в вечность, пока я боролась с управлением. Я не первый раз попадала в буран, но сегодня он разбушевался не на шутку. Будто был с Гуциным заодно. Наконец, машина остановилась, опасно накренившись на обочину. Я глубоко вздохнула, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

– Еще немного, – проговорила я вслух, успокаивая себя. – Совсем немного, и я буду в безопасности, дома.

Впереди показались первые дома соседней деревни, и это придало мне сил. Еще каких-то двадцать километров, и покажутся дома моего родного Октябрьского. Теперь главное, не терять концентрацию до самого конца пути. Но я резко вздрогнула от ожившего телефона, чуть не выпустив руль. Громкая мелодия оповестила меня о том, что кто-то настойчиво хотел со мной поговорить. Потянулась за телефоном, когда позвонили повторно, прекрасно зная, что не стоило отвлекаться от дороги. Успела перевернуть свой старый гаджет экраном вверх и снова вернула внимание на дорогу. Краем глаза успела заметить, что на дисплее телефона высветился номер и имя Гуцина.

Что ему от меня надо?

Верить в то, что он просто по-человечески переживал за меня, верить не хотелось. Но его звонок доказывал обратное.

Ответить на звонок Тимура я не успела, но Гуцин оказался настойчивым, позвонив еще раз. Но я решила не отвечать на его звонки, чтобы не отвлекаться от дороги. Мне хотелось жить, как и благополучно добраться до дома. Мажор со своим переживанием подождет.

Вот только сам Гуцин был другого мнения. Звонки от него прекратились, но телефон буквально стал разрываться от входящих сообщений.

Дилиньк! Дилиньк! Дилиньк! Дилиньк!

Звуки входящих сообщений раздражали, но я не могла рисковать, чтобы взять в руки телефон и отключить его.

– Да чтоб ему икалось! – выкрикнула я примерно после двадцатого “Дилиньк!”, ударив по рулю.

Это и было моей самой главной ошибкой. Поворот в сторону Октябрьского, а машину занесло. Никакие мои манипуляции не помогли выровнять ее. К тому же, сквозь снежную пелену я увидела встречные фары и ужаснулась.

Испугаться не успела, когда меня накрыла тьма.

Пришла я в себя непонятно через сколько времени. Руки-ноги не окоченели. Неужели аварию заметили так скоро, и меня доставили в больницу?

Попыталась встать, но головная боль, как и боль во всем теле заставила застонать, как и забросить идею принять вертикальное положение. Рядом кто-то зашевелился.

– Раз не подошла сразу, дай другим поспать, – проворчал грубый женский голос. – Лучше бы померла, ей богу, теперь ухаживания за тобой повесили на меня. У-у-у-у, дрянь живучая, – и меня больно пихнули в бок.

“Господи, где я и что со мной?” – успело мелькнуть в голове до того, пока от боли я снова не уплыла в небытие.

Глава 2

Глава 2. Новая реальность

Анастасия Шашкова

Повторно я проснулась резко, словно меня нарочно толкнули, чтобы разбудить намеренно. Глаза открываться не хотели. Видимо, я не выспалась. Но сегодня я могла позволить себе понежиться в постели. Долгожданные выходные в родном доме вдали от города. И главное, подальше от Гущина. Потому что от раннего пробуждения не расстраивалась. Могу прилечь потом, днем.

– Рыжик, ты? – пытаюсь перевернуться на живот, задала я вопрос, пошарив рукой по одеялу.

Соседский кот любил приходить ко мне, когда я возвращалась домой. Видимо, он и разбудил меня, запрыгнув на кровать. Еще бы! Такую тушу отъел.

Но не успела я перевернуться на спину, как заорала от боли и вскочила на ноги. И тут же кулем свалилась на пол от слабости не только в конечностях, но и во всем теле.

– Куда вскочила? Эх, дуреха, – услышала я со стороны, а затем увидела лапти. – Тебе лежать и лежать. Токма вчера горячка прошла. Думали, помрешь ведь. А ты на ноги. Вожжа под хвост попала? Али приснилось что?

Мои глаза уставились на старинную обувь. Самые настоящие лапти! Откуда? Да, у нас в музее висели такие, старые потрепанные, потому что я знала как они выглядят. Тут были почти новые.

Пока я осмысливала увиденное, меня бесцеременно подняли и снова сгрузили на постель. Жесткую и не такую теплую, как в моем родном доме. Снова пришлось лечь на живот. Пока я не понимала, что с моей спиной.

– Анфиса совсем не присматривает за тобой, – продолжила женщина. – Вот принесла тебе от Петра Петровича мазь, чтобы раны на спине скорее зажили. Хорошо, что из горячки вышла. Думали, что потеряли мы тебя. Не будет у нас больше Настасьи. Но ничего, бог смилостивился.

Имя мое, уже легче. Значит, я еще не совсем сошла с ума. Видимо, я в доме какой-то старушки. Но как я туда попала?

– Можно мне воды? – попросила я, еле ворочая во рту языком и повернув голову в одну сторону.

– Щас, милая, потерпи немного, – заметалась женщина, имени которого я не знала, но она вызывала доверие. К тому же, заботилась обо мне. Жалела. Совсем как моя соседка.

Внимательно взглянула на женщину. Чем-то она мне напоминала мою соседку бабу Шуру, хозяйку Рыжика. Такая же добродушная и заботливая. Одежда на ней была старинная. Такие носили сто, а то и все двести лет назад. Да и говор настораживал. Неужели я все же согласилась на предложение Гущина пойти на вечеринку? Может, меня там напоили чем-то, а это все розыгрыш? Но как тогда объяснить боль на спине?

Стоп!..

И тут я застонала, вспомнив все. Гущин, дорога до дома, погода и поворот, в который я не вписалась. Авария, что, скорее всего, лишила меня жизни. Но где я сейчас?

– Потерпи, щас я намажу твою спину мазью и тебе полегчает, – женщина из-за моего стоны не знала, что сделать первым: дать мне воды или все же намазать спину. – Петр Петрович знает свое дело. Уже через пару дней все заживет.

Женщина все же сперва дала мне вдоволь напиться, затем присела рядом. Сперва она аккуратно убрала лоскутки порванного платья. Кровь давно запеклась, и ткань попросту прилипла к ране. Я старалась не издавать ни звука, терпела. Чуть погодя я почувствовала прохладу

мази и мне действительно стало легче. Что за чудо средство я не стала расспрашивать, чтобы не вызвать подозрений. Сперва бы разобраться где я и как тут оказалась.

Дом был деревянный. Убранство старинное. Постель сколоченная из досок, потому и жесткая. И запах не очень приятный, словно живущие в этом доме люди не мылись несколько дней. Или это от меня так несло?

– Сколько я так уже? – спросила я, когда женщина закончила.

– Три дня бредила, сегодня вот очнулась, – услышала ответ. – На этот раз Антип перестарался с розгами. Все думали, что ты отдашь Богу душу, но слава богу все позади. Выходила я тебя. Сильная ты духом, Настасья. Ничем тебя не сломить. И дальше также держись. Прутик гнется и снова выпрямляется. Шрамы заживут, боль пройдет. Пойду я, Настасья. Засиделась у тебя. Меня на кухне ждут, – засобиравлась женщина. – Всем скажу, что ты все еще бредишь. Не говори ни с кем, иначе тут же работать заставят. Тебе сил набраться надобно. Вечером принесу тебе плотный ужин. Сколько дней ни крошки во рту. Водички вот пей.

Дверь за женщиной захлопнулась, а по полу побежали белые клубы мороза. До моей кровати не достали, растаяли. В голове был бардак от мыслей, но одно уже было ясно. Все это мне не снится и это не розыгрыш никакой. Я умерла. Но как тогда очутилась здесь? Переселение души?

Снова застонала. Почему это приключилось именно со мной? А ведь это все Гуцин виноват со своими звонками и сообщениями! Вот что ему надобно было от меня? И ведь даже я не узнала, что он мне там напisyвал...

Какая-то часть меня, видимо, хотела внимания со стороны мажора. Застонала и спрятала лицо в ладонях.

Ну как так-то? За что мне такое?

Горячие, обжигающие щеки, и горькие слезы сами потекли из глаз. Стало та-а-ак обидно. Вот почему я не послушалась Гуцина? И на какой черт он мне названивал и напisyвал? Не понимал, что этим только вредит мне? Ведь именно из-за его сообщений я и отвлеклась, что в итоге привело к аварии. Хотя...

Кого я обманываю? Авария – полностью моя вина. Не была бы я такой самоуверенной и немного глупой, раз решилась в такую непогоду выйти в дальнюю дорогу, то наслаждалась бы завтраком у себя дома, а не вот это все. И Рыжика бы кормила. Видите ли, я знала дорогу и каждую яму на ней. А вот на повороте просчиталась. Нельзя быть такой самоуверенной. Нельзя!..

Вытерла щеки тыльной стороной ладони. Чего уж теперь сокрушаться о погубленной жизни собственными руками и сопли пускать? Надо принять новую реальность и продолжить жить дальше, даже если придется трудно. О том, что придется тяжело, очень тяжело, вопило все мое нутро. Но когда это меня останавливало?

Я повернула голову в сторону, чтобы получше рассмотреть дом. Я не знала сколько времени, какой год и от этого было не только некомфортно, но и немного страшно. Словно ты шла в темноте. Знала только одно, что была зима. Об этом говорили и холод, что забежал в дом, стоило только открыть дверь, но и тулуп на плечах женщины. О том, что попала в какое-то средневековье, думать не хотелось, но все вокруг буквально кричало об этом. Правда, вместо средневековья я подозревала, что моя душа просто-напросто переместилась в прошлое. Лет так на сто или даже двести назад.

Дом был деревянный, из сруба. Потолки низкие, окна маленькие. В центре избы располагалась огромная беленая печь. По правую сторону от двери вдоль стен тянулись широкие лавки, рядом стоял крепкий стол, покрытый скатертью. По другую сторону располагались полаты, такие же, на которой лежала я сама. Это были деревянные настилы. Они представляли собой своеобразную кровать, где могло поместиться несколько человек.

Я тут же вспомнила удар в бок и недовольное шипение в мой адрес. Значит, у меня есть соседка. Я осторожно потрогала грубое одеяло, сваленное из овечьей шерсти. Оно было тяжелым и колючим, но, вероятно, хорошо согревало зимними ночами.

Также вдоль стен стояли сундуки. Видимо, с вещами и одеждой других жильцов, а в одном из углов виднелся небольшой иконостас. Такой же был и у меня в родительском доме. Ни я, ни мои родители не были настолько набожными, как моя соседка баба Шура, которая не пропускала ни одну службу и всегда строго держала пост, но усопших поминали регулярно, когда выпадали такие дни.

Также я отметила, что в помещении почти не было мебели, как и посуды. Только самое необходимое для жизни. Никаких кроватей с балдахинами или мягких диванов, только жесткие лавки да полати, на которой я уже отлежала себе все, что можно. Это могло означать одно, что тех, кто жил в этом домике, кормили в другом месте.

Я снова застонала. От безысходности и от сурового понимания. Значит мне не повезло, как другим попаданкам в магические миры. Им то доставались и богатство, и дом, и жених или муж красивый и богатый в придачу. Я же скорее всего попала в тело простой служанки. В общем, повезло...

Попыталась сесть, но боль в спине и слабость не дали мне этого сделать. Я устала лежать, все тело затекло, но поменять положение не получалось. Пришлось повернуть голову в другую сторону и задуматься. Мне определенно нужен план! Перво-наперво нужно узнать куда я попала и в какое время. Подозрения, конечно были. По слову женщины, что намазала мне спину спасительной мазью, можно было догадаться. Да и язык я понимала, как ни странно. Значит, мир наш, только меня откинуло на несколько сотен назад. И тут меня могло подвести незнание истории. Ведь скорее всего я оказалась в теле девушки из Российской империи. Как такое возможно, я не знала, но одно было ясно: нужно вести себя осторожно. В те времена подобные явления считались колдовством. Церковь не прощала таких «преступлений». Достоточно было одной жалобы или даже малейшего подозрения, чтобы тут же оказаться на костре. Я вспомнила живые рассказы нашего историка о ведьмах, заживо сожженных за куда менее серьезные вещи. Содрогнулась.

И тут дверь неожиданно открылась. Моя голова хоть и была повернута в другую сторону, глаза я все же закрыла, как и постаралась дышать глубоко и равномерно, выдавая себя за спящую. Ведь такой совет мне оставила добрая женщина: ни с кем не вступать в разговор.

Вошедший приблизился ко мне, но ничего предпринимать не стал. Видимо, пришел просто проведать, не пришла ли я в себя. Ведь вряд ли слугам предполагалась разлеживаться, а мне все же нужно было восстановиться. Вскоре я вновь услышала, как открылась и закрылась дверь.

Я выдохнула. Но теперь меня взволновали мысли о девушке, в чье тело я попала. Ее рука, что я приблизила к лицу, говорила о том, что она была молода, но от работы не отлынивала. Вся ее хрупкая ладонь была в мозолях и царапинах. Вот только что с ней случилось? Неужели некий Антип, чье имя я услышала из уст доброй женщины, забил девушку розгами до смерти?

Я встrepенулась. От своих же мыслей у меня мороз по коже побежал. Значит, надо быть в десять раз осторожнее. Этому Антипу станется и еще раз избить меня розгами. Интересно, за что он так с бедной девушкой? Пусть и со служанкой, но они же тоже люди.

Додумать я не успела. Меня сморил сон...

Глава 3

Глава 3. Сон-воспоминание

Настасья

Спала я беспокойно. То и дело слышала скрип двери, затем шаги и недовольные разговоры. Кто-то кого-то одергивал, второй не хотел слушаться, третий шикал на них, прося быть потише. После я почувствовала к себе нежное прикосновение, как по утрам делала мама, перед тем как будить меня. И потом я провалилась в глубокий сон. Но и там мне покоя не было. Снилось мне девушка...

Девушка с длинными косами протирала мебель от пыли. Старинный буфет, какой я видела только в музее. Затем она подошла к дивану и поправила вышитые маленькие подушки на ней. Полюбовалась не то своей работой, не то узорами, и на ее лице появилась улыбка. В это же время в комнату вошел еще один человек. Девушка не услышала его шагов, чем мужчина и воспользовался. Он бесшумно шагнул к ней и толкнул вазу, что стояла на тумбочке. Последовал удар, и что ожидаемо, хрупкая вещь не выдержала падения и раскололась. Девушка испугалась и отскочила. Мужчина довольно улыбнулся, но тут же принял серьезное выражение лица. На шум прибежали другие.

– Антип, что тут происходит? – вопрошала пожилая женщина, растолкав всех и пройдя вперед.

– Это ты спроси у своей любимицы, – мужчина безжалостно указал на девушку.

– Настасья? – недовольно поджала губы женщина, переводя взгляд на испуганную и дрожащую от страха девчонку.

– Она разбила любимую вазу барина, – не выдержал Антип и указал на осколки на полу. – Петр Николаевич будет разочарован. Эту вазу ему подарил сам император Александр, – важничал мужчина, нагоняя еще больше страха.

Глаза собравшихся людей расширились от ужаса. Они дружно сделали шаг назад, будто и им могло перепасть. Названная Настасьей девушка кинулась в ноги пожилой женщины.

– Это не я, клянусь тебе, Дарья Матвеевна, – девушка хваталась за подол платья женщины. – Не я это. Чем угодно могу поклясться, – наложила она на себя крест.

– Я сам видел, – шагнув вперед заявил Антип. – Анфиса, подтверди!

Вперед шагнула молодая женщина с выдающейся фигурой.

– Настасья это, – зло глядя на девушку на полу заявила она. – Я мимо пробежала в это время и как раз увидела, как она толкнула вазу.

Теперь все смотрели на нее.

– Нечаянно правда, – добавила Анфиса сразу же, как только встретила с прищуренными глазами Дарьи Матвеевны. Пожилую женщину она все же побаивалась.

– Я не могу это так оставить, – хватаясь за ремень и выпятив грудь вперед заявил Антип. – Барин потом за все с меня спросит. Во двор ее!

Собравшиеся снова встрепенулись и шагнули назад. Вперед вышли два мужика в зипунах. Они подошли к Настасье, подняли девушку на ноги и поволокли ее во двор.

Остальные так и остались стоять на месте, потрясенные происходящим. Но вот Антип последовал во двор, за ним отмерли и другие.

Настасью выволокли во двор в чем она была. Степка и Митрий тащили ее к позорному столбу, не слушая мольбы девушки. Тонкое холщовое платье не защищало от холодного и пронизывающего ветра. Настасья подняла глаза к небу. Оно было серое и низкое, нависая над барским двором, словно хотело защитить девушку от несправедливости. Было холодно, что перехватывало дыхание. На шум во дворе собрались остальные крестьяне.

Настасью подвели к столбу, подняли ей руки и крепко привязали к потемневшему от времени и непогоды к дереву. Женщины ахнули, но ничего не предприняли, чтобы защитить бедняжку. Лишь отворачивали лица, пряча жалостливые взгляды, но уйти не смели. Приказчик не прощал такого. Хорошо еще, что смотреть не заставлял.

Антип не спеша подошел к столбу. К нему тут же подбежал мальчишка. Приказчик снял с себя тулуп и передал его мальчику. Тот почтительно склонил голову и прижал одежду к груди, боясь уронить его в снег. Неровен час, и он окажется привязанным к позорному столбу.

– Ты, Настасья, барское имущество испортила. Так тебе по закону положено, – заворачивая рукава рубахи произнес он, довольно шурясь от удовольствия своими белесыми глазами. – Али предлагаешь вместо тебя меня наказать?

Антип взял в руки розгу. Помахал им в воздухе и он склонился за другой. Мужчина проделал одни и те же манипуляции несколько раз. На этот раз гибкий прут свистнул в воздухе. Приказчик снова довольно улыбнулся. Девушка возле столба напряглась.

– За порчу барского добра тебе полагается десять ударов, – Антип шагнул к девушке.

Крестьяне вокруг шумно и испуганно ахнули.

Первый удар пришелся аккуратно по спине. Вжух! Настасья не издала ни звука. Лишь платье на спине заалело. За первым последовал второй, третий удар... Откуда-то послышался всхлип. Это не выдержало доброе сердце кухарки Дарьи Матвеевны.

– Будешь еще барское добро портить? – шипел приказчик, занося прут снова и снова. Его лицо покрылось красными пятнами, а изо рта в разные стороны брызгалась слюна, словно он выжил из ума.

А вокруг стояли другие крепостные. Молча, потупив взгляд, кто-то закусив губы. Многие крестились, шепча молитву. Парни из кузницы смотрели исподлобья, сжимая кулаки, но ни один не двинулся с места. С Антипом лучше не стоило связываться. И только ворон, сидевший на коньке сарая, каркнул несколько раз, будто отсчитывал удары.

Вот последовал последний десятый удар. Антип зло отбросил испорченную розгу в сторону. Глянул на Настасью, плюнул себе под ноги, схватил свой тулуп и зашагал прочь.

Все это Настасья не видела и не слышала. Ее глаза застилали слезы, в ушах звенело не то от боли, не то от ледяного ветра, что выл как зверь. Руки и ноги девушки ничего не чувствовали, онемев и замерзнув. Но она не издала ни звука, искусав губы в кровь. Лишь едва слышный стон и хрип.

– Ну что вы стоите, остолопы! – первая в себя пришла кухарка. – Отвязывайте ее скорее!

Громкий голос Дарьи Матвеевны “разбудил” и других крепостных. Все разом всполошились. Степка и Митрий поспешно кинулись к столбу развязывать девушку. Настасья рухнула в снег, не в силах пошевелиться, когда веревки на руках ослабли. Никто не успел подхватить ее. Кухарка, кряхтя, опустилась рядом с девушкой, и прикрыла ее своим рваным платком.

– Ну что, дура, натерпелась? – прошипел Степка, наклоняясь и поднимая девушку. Но в его голосе не было злобы, скорее недопонимание и немного осуждения. – Уступила бы Гаврилычу и не получила бы розг.

– Что ты такое говоришь, увалень? – Дарья Матвеевна ошетибилась, глядя на крупного парня. – Как это уступила бы?

– Ей богу, Дарья Матвеевна, – вместо Степки ответил Митрий, махнув на женщину рукой и помогая своему товарищу. – Все видят, что наш приказчик неровно дышит в сторону Настасьи. Одна вы этого не видите. Чтобы он не делал, она его как огня боится, сторонится. Ни один подарок от него не приняла. Вот и не выдержал наш Антип, решил другим путем пойти. Ох, сломает он ее не сегодня так завтра. Сломает.

Оба парня, покачав головой, понесли девушку в сторону заднего двора поместья, где была людская, прочь от насмешек, прочь от лишних глаз и разговоров. Туда, где ютилась простая дворня.

В людской было темно и душно, пахло немытыми телами и грязными вещами. Сквозь маленькое окошечко едва пробивался свет. Степка и Митрий занесли ее в узкую комнату с низким потолком, заняв собой все пространство помещения. Положили бессознательное тело девушки на единственную кровать с жестким тюфяком, набитым соломой. Настасья застонала, не в силах сдержать стон. Сейчас можно было. Сейчас приказчик не видел.

– Господи помилуй, да что ж он с тобой сделал-то... – раздался над Настасьей причитающий голос. – А вы что стоите? – женщина накинулась на парней. – Бегите за Петр Петровичем.

Степка и Митрий, столкнувшись на пороге, никак не могли разминуться. Каждый хотел выйти первым. Все знали, какая тяжелая рука и кухарки. Благосклонно она относилась только к Настасье, над чьим телом сейчас она хлопотала. Но девушка ничего не видела, не слышала и не понимала. Ее сознание было далеко отсюда. Между тем женщина продолжала причитать и суетиться.

– Кто же так зверствует? – болтала она без умолку. – Даже волки свой выводок выкармливают, следят, а тут. Хуже зверья. Вот пусть только барин воротится из столицы, все ему расскажу.

Между тем женщина достала тряпицы и какой-то настой в бутылке. В комнате резко запахло травами. Дарья Матвеевна аккуратно отвела в стороны лоскутки ткани от платья, успевшие прилипнуть к спине Настасьи. На каждое движение кухарки девушка протяжно стонала.

– Потерпи, родимая, шас станет легче, – бормотала женщина, осторожно прикладывая мокрую тряпку к ранам и смывая кровь. – Ты, главное, не дергайся и потерпи всего немного. Я только промою раны и травы приложу, – не спеша делая свое дело все говорила и говорила Дарья Матвеевна. – Ох и звери, ироды. Молодую девку чуть живьем не погубили. И за что? За кусок глины. Петр Николаевич такого бы не допустил.

Пока кухарка возилась ранами, Настасья начала бредить. Дарья Матвеевна тут же зашептала что-то ласковое, по-матерински гладя ее по успевшим растрепаться косам. Волосы девушки спутались и были влажные не то от пота, не то от горьких слез.

– Ничего, ничего, Настасья, потерпи. Я тебя выхожу. Вот, гляди, отварец принесла. Ты давай пей, легче станет, – оставив свое дело и наклонив голову девушки, кухарка напоила ее.

Горький травяной настой обжег горло Настасьи, отчего та закашлялась, но уже через мгновение она притихла. Видимо, отвар притупил остроту страданий и боль. Дарья Матвеевна взялась за тряпицы и продолжила ворчать, то ли на господ, то ли на судьбу, то ли просто так. Скорее, от привычки.

– Уж я их, бессердечных... – Дарья Матвеевна зло тряхнула головой, показывая кулак кому-то, и седые пряди выбились из-под платка. – Все барину расскажу. Он-то это дело так не оставит. У всех спросит. Да ты не бойся, родимая, здесь тебя никто не тронет. Даже Антип не пройдет. Отдохнешь, оклемаешься.

Дверь скрипнула, и в комнату робко заглянула молоденькая горничная Дуняша, с опаской озираясь по сторонам.

– Дарья Матвеевна, – прошептала она, пугливо глядя в сторону кровати. – Там на кухне без вас не справляются.

– Не до готовки мне, – отмахнулась кухарка, но не двинулась с места, продолжая обрабатывать раны. – Пусть подождут, а ты пока огонь в печи разведи.

Дуняша кивнула, но не исчезла.

– Чего тебе еще? – немного зло спросила кухарка.

– Как она? Выживет?

– Сплюнь, дура! – прикрикнула на Дуняшу женщина. – Крепкая она. Выдюжит. А ты иди отседова.

Девочка убежала, напоследок хлопнув дверью. Дарья Матвеевна убрала тряпки, затем укрыла Настасью грубым, но чистым одеялом.

– Спи, касатик, – тихонько прошептала она, вновь проведя по волосам девушки. – Пока я жива – никому не дам тебя в обиду.

Настасья всего этого не слышала. Она находилась далеко отсюда, а ее жизненная ниточка все истончалась и истончалась...

Зипун – верхняя одежда крестьян, представляющий из себя пальто из грубого самодельного сукна.

Людская – это помещение, предназначенное для дворни и слуг в господском или помещицком доме.

Глава 4

Глава 4. Все не так и плохо

Настасья

Проснулась я резко. Словно во время просмотра интереснейшего фильма внезапно отключили свет, а ты только-только дошла до самого того момента. Словно мне показали один кусочек из жизни девушки и на этом все. Во всем остальном я должна была разбираться сама. Ну хоть на этом спасибо. Я хоть что-то начала понимать, а не чувствовала себя потерянной, будто заблудилась в лесной чаще.

Почувствовав природный зов, решила все же выйти и осмотреться. Рядом кто-то сопел, но я не стала присматриваться кто стал моей соседкой. Накинув на себя платок, что нашла на своей кровати, поспешила на свежий воздух. Видимо, его забыла та женщина, что приходила ко мне. Если я что-то и поняла из сна, то это негласное правило для себя: держаться Дарьи Матвеевны. Кухарка не только сумеет меня защитить, но и помочь.

Дверь жалобно скрипнула. Я напряглась, ожидая угрюмых слов в свой адрес. Но уставшие за целый день люди спали мертвецки крепким сном. Не став больше задерживаться, вышла на улицу. Свежий морозный воздух заставил задохнуться. Пришлось несколько раз вдохнуть и выдохнуть, прежде чем привыкнуть. Сколько же дней девушка не дышала свежим воздухом? Или это у меня с непривычки? Здесь то воздух явно ничем не загажен и пока еще девственно чист.

Поежилась. Все же зимнее раннее утро было не для прогулки в одном холщовом платье, которое еще и разодрано розгами, и в платке с чужого плеча. Холод пробирался под кожу. Правда, спине было легче. То ли мазь от Петра Петровича помогла, то ли от холодного воздуха. Но я, как ни странно, именно вторым наслаждалась. Что я жива, несмотря на происходящее вокруг чудеса.

Закрыла глаза и вдохнула полной грудью, кутаясь в платок.

Что я не выживу в другом времени? Чем она отличается от моего? Отсутствием интернета и технологий? Так больше времени будет на себя, да и голова не будет забиваться всякой чепухой. А то что работать больше придется, так я никогда белоручкой не была. У нас был свой огород, да и жили мы в частном доме, а не в квартире. В хозяйстве каждый день нужно было что-то делать. Да и мама всегда приговаривала: если тебе нечем заняться и в голову лезут дурные мысли, то ты всегда можешь переложить вдоль то, что лежит поперек, или же наоборот. И это помогало. Работа помогала прийти к правильному решению.

Уверена, что и тут я с возложенными на меня обязанностями обязательно справлюсь. Правда, нужно будет время, чтобы приноровиться. Ведь здесь все по-старинному. Не хотелось бы, чтобы меня наказали, как Настасью.

Вот девушку было жаль. Очень. Ни за что получить десять ударов плетью. Вот она и не выдержала, отдала Богу душу. Интересно, что скажут другие, когда узнают, что душа настоящей Настасьи давно не с ними? Теперь вместо бедной девушки в ее теле душа из современного мира. И в отличие от мягкохарактерной Настасьи, я не собиралась давать себя в обиду. Как и решила держаться от приказчика как можно далеко. Это же надо, что старый хрыч положил глаз на молодое тело! Надо с этим что-то делать. Вдруг еще этот Антип захочет жениться на Настасье и уприсит у барина разрешения. Мне этого не надо!

– Настасья! – услышала я сбоку возмущенный голос и по закону подлости, оступилась от внезапного появления другого человека рядом и от испуга, и, конечно же, упала в снег.

Колючие хлопья тут же попали за шиворот. Ноги тут же промокли. Чем больше я пыталась выбраться из сугроба, тем сильнее зарывалась. Пока меня не выдернули и не поставили на ноги.

– Боже, Настасья! – запричитала Дарья Матвеевна. – Ты зачем чуть ли не в одном исподнем на улицу вышла? Снова заболеть хочешь? Только выходили, а ты снова как будто нарочно в петлю лезешь. Ну-ка пошли!

Меня схватили и повели за собой. И только сейчас я ощутила, насколько замерзла. Да и намокшая одежда неприятно липла к телу, заставляя меня дрожать еще сильнее. Повели меня, как ни странно, в господский дом. Привели в ту самую узкую комнатку, где оказалась Настасья после позорного столба. Вот только страх, что девушка не выживет, заставили отнести ее в людскую.

– Снимай скорее, – отдала распоряжение Дарья Матвеевна, начав копаться в сундуке в углу. – Когда ты совсем плоха стала, тебя перевели в людскую. Мы думали, что уже все, батюшку звать придется. Антип приказал отнести вон из господского дома. Нехорошо а то будет, барин гневаться будет. Пришлось уступить. Мы недавно только барыню схоронили. Эх, не доглядели, – кухарка забыла, зачем полезла в сундук. Замерла и вытерла уголком передника непрошенные слезы.

– Дарья Матвеевна, – тихонько позвала я женщину, дрожа от холода. Всю одежду я с себя давно стянула.

– Ой дурья я башка, – всплеснула руками кухарка. – Обожди, родненькая.

Вскоре я уже была одета в похожее на мне до этого платье. Но кухарке этого не хватило, сверху обмотала еще и платком. Затем меня повели на кухню. Женщина усадила меня на стул, на пол поставила таз, куда Дарья Матвеевна налила кипятка, еще и какие-то травы бросила.

– Вот не дай бог заболеешь и снова в горячку впадешь, – причитала она дальше, гремя посудой. – Беда мне с тобой, Настасья. Скорее бы барин воротился.

– А где он? – вырвалось из меня прежде, чем я подумала о том, что Настасья то должна об этом знать.

Дарья Матвеевна развернулась в мою сторону с половником в руке, с которого капало на пол, и удивленно посмотрела.

– Ты чего это Настасья? Сами же барина в столицу собирали.

И взгляд такой, пробирающий и заглядывающий в самую глубину души...

Ну что сказать, я влипла. Или еще нет? Я лихорадочно думала над тем, как бы оправдать свои провалы в памяти.

– Да что же это я! – вдруг всплеснула руками Дарья Матвеевна, подскочив ко мне. Я чуть не отскочила от женщины, испугавшись ее напора. И не ожидая такого ее поведения. – Ты же после горячки только, а тут я своими расспросами. Прости меня старую. Тебе покой нужен, отлежаться надобно, но Антип разве даст. Прознает, что ты на ноги встала, так сразу работой нагрузит.

Помяни черта – он и явится. Закон подлости на мне действовал без промахов.

Дверь на кухню скрипнула, а я даже не оборачиваясь в сторону вошедшего, почувствовала холод. Нет, это не морозный воздух заполонил кухню. Это аура человека, тяжелая, нехорошая, словно вдруг посреди чистого пруда вылез кусочек болота, от которого невозможно несло тинной и не только.

– Ба, я вижу Настасья пришла в себя, – услышала я ехидный мужской голос и вся скукожилась. – А говорили, что я переусердствовал и что она при смерти.

– Типун тебе на язык, Антип Гаврилыч, – запричитала Дарья Матвеевна, вставая между мной и приказчиком. – Еле выходила девочку. Если бы не я. Толку от твоей Анфисы. Даже водички не подала. Так бы и померла Настасья, не окажись я рядом. Даже за скотиной уход лучше, а твоя зазноба палец о палец не ударила.

Подозревала, что Антип приставил по уходу Настасье Анфису специально, чтобы девушка очурилась. Не она ли пихнула меня в бок ночью? Тут уже пахнет групповым

преступлением. Интересно, узнай барин правду, что бы он сделал? Ведь приказчик избил девушку до смерти. Еще и бросил помирать...

– Не велика беда, – пробормотал себе под нос мужчина, проходя к столу.

– Да что ты такое говоришь! – от всего сердца возмутилась кухарка. Вся кровь отхлынула от лица женщины. – Давно ли ты в вершители судеб записался, Антип Гаврилович? Вот узнает барин... – Дарья Матвеевна не договорила.

Приказчик хлопнул по столу.

– Не узнает! – прикрикнул он следом. В голосе мужчины явно была угроза.

Женщина аж подпрыгнула, как и я. Не зря я даже не встречаясь с приказчиком вживую, приняла мудрое решение держаться от него подальше. Такой и за углом запросто придушить может.

– Хватит впустую лясы точить. Еду давай, – припечатал он.

Кухарка больше ни словом не обмолвилась. Я тоже старалась слиться с сервантом, даже ногу из горячей воды вытащить боялась. Ни одного лишнего движения, чтобы не дай бог не привлечь к себе ненужного внимания со стороны приказчика. Себе дороже.

Дарья Матвеевна с поджатыми губами поставила перед мужчиной простую еду: дымящуюся кашу с мясом. Антип Гаврилович сразу принялся за завтрак, придвинув тарелку к себе. Ел он быстро, несмотря на то, что каша была горячая. Не дул даже.

Я так и продолжала сидеть неподвижно в ожидании, когда приказчик поест и покинет кухню. Не перед ним же мне встать и уйти, привлекая его внимание к себе. С него станется, увидит, что я твердо стою на ногах, и тут же трудиться заставит. Нет, я не боялась работы, но для начала мне хотелось бы хотя бы осмотреться и для начала понять где я.

Несмотря на то, что рядом с приказчиком я испытывала страх наряду с ужасом, нет да и нет косила в его сторону взгляд. Антип Гаврилович был мужчиной в летах, сухой и жилистый. Глаза маленькие, серые, словно потеряли краски жизни, колючие. Посмотрит исподлобья, словно высматривает к кому бы сегодня придраться. Морщины глубокие, как трещины на старом засохшем дереве. Губы тонкие, всегда поджатые. Бородка, как и волосы на голове жидкая. И внешне, и по характеру неприятный тип.

“Козлина, как он и есть”, – проскочила мысль в голове.

Взгляд заметил плетку на его поясе. Видимо, он ее всегда носил с собой не только для устрашения, но и чтобы в любой момент пустить в ход. Такие любят поколачивать всех, считая их виновными по поводу и без. Не зря и сама Настасья боялась приказчика как огня. Им же непослушных детей только пугать и осталось!

И тут Антип Гаврилович словно почувствовал мой взгляд и поднял голову над опустевшей тарелкой. Я вся сжалась, а мужчина лишь ухмыльнулся, показывая мне пожелтевшие зубы. Но, слава богу, приказчик ушел, не сказав ни слова. Как только дверь за ним закрылась, мы обе облегченно выдохнули. Будто на все время, пока приказчик находился на кухне, и я, и Дарья Матвеевна задержали дыхание.

– Настасья, старайся держаться от Гаврилыча подальше, – убирая со стола заговорила кухарка. – Сегодня он в хорошем духе, того гляди и найдет к кому придраться и плетку в ход пустить. Спросишь за что? Да для него все наши мужики ленью обуяны, а бабы слишком голосисты стали. Сегодня не выходи из своей комнатухи, сундуком дверь подопри. Степка и Митрий были правы, – задумчиво проговорила Дарья Матвеевна, подливая в тазик еще кипятка. – Он глаз свой цепкий на тебя положил. Все наши бабы его боятся пуще барского гнева. Петр Николаевич отходчивый, не то что этот. Этот и руки любит распускать, будто невзначай. Жаловаться бесполезно. Барин ему верит, а им за клевету еще и всыплет. Анфисе только не перепадает. Змеюка, нашла к кому пригреться на груди. Она же люто тебя ненавидит. За что только непонятно. Того гляди начнет жаловаться и доносить, только увидит тебя.

Дарья Матвеевна задумалась, словно воспоминания из прошлого ее затянули. Но она тут же опомнилась.

– Заболталась я с тобой, Настасья. Поешь и марш к себе в комнату и не выходи оттуда без надобности. Я сама принесу тебе чем перекусить.

Кухарка поставила на стол тарелку. Подала мне чистую и сухую тряпку, чтобы вытереть ноги, другой такой замотала.

– Так-то Антип Гаврилыч просто забыл, что и сам из крестьян вышел. Власть над другими его испортила, сделала жестким, как камень, и подлым, как голодный пес. И чем больше его ненавидят крепостные, тем лютее он становится. Будто чувствует, что однажды эта ненависть его и сожрет с потрохами, – мудро заметила женщина, снова задумавшись.

Я не стала засиживаться на кухне. Быстро доела кашу и направилась искать комнату, но завернула не туда.

Глава 5

Глава 5. Особняк барина

Настасья

Вроде моменты из сна я помнила хорошо, но, видимо, все же свернула не туда. Оказалось, что я толкнула дверь для слуг, ведущую в гостиную. И оказалась в просторном зале, откуда вели остекленные двери. Я осмотрелась. Пока никого рядом не было, мне хотелось узнать всего и побольше. На будущее. Кто знает, когда и что мне может пригодиться. Такие моменты не стоило упускать.

Смелее шагнула вперед. Просторная гостиная в старинном доме была залита мягким солнечным светом. Стены, обитые дорогими обоями с цветочным узором. Правда, они давно потеряли свой лоск и больше служили вместо картинной галереи. Буквально везде висели картины в рамках: от фамильных портретов до черно-белых снимков с видами Петербурга (имеется в виду модные на то время литографии), также и с охотничьими сценами. Было пару картин, где запечатлена красота природы. Авторами данных эскизов были художники, к которым слава еще не успела прийти. Но просвещенность барина радовала. Его внукам достанутся шедевры.

В середине комнаты на потрепанном ковре стоял массивный овальный стол, покрытый кружевной скатертью. На нем изящный самовар, окруженный фарфоровыми чашками с нежными розовыми гирляндами. Если самоваром меня нельзя было удивить, то блюдами так точно. Неужели работа самого Императорского фарфорового завода? Ведь точно такие же я видела в музее! Вот это я попала получается... Интересно, в какой все же год?

За размышлениями над данным вопросом я лишь прошла рассеянным взглядом по серебряным ложкам с вензелями и стеклянными блюдами для варенья. Рядом стояла плетеная корзина для выпечки, привлекая внимание своим ярким цветом. Но и он не получил должного интереса с моей стороны.

Я обернулась. Адреналин ударил в кровь. Руки чесались. Это же надо такому случиться! Кому рассказать – не поверят! Да и кому я могу поведать о себе такие тайны? Сразу сдадут в психушку, точнее, в желтый дом. Никто разбираться не будет. Нужно было отыскать хоть какую-то корреспонденцию, чтобы удостовериться в своих подозрениях. Наверняка барин выписывал газеты, чтобы быть в курсе столичных новостей и не только. Хотя я историю и не знала, как положено, но какие-то моменты все равно запомнились. Раз на стене висели литографии, то я попала не позднее 1800 года, а раз я все еще была в теле крепостной Настасьи, то и не 1861 год. Но все равно хотелось бы более точного времени.

Стон невольно вырвался из моей груди. Не в самое удачное и легкое время я попала.

– Не могли расщедриться на другое время или хотя бы на магический мир? – подняла я голову и проговорила вслух в потолок, но обращаясь к тем, кто “играл” нашими судьбами.

Ответа, как и стоило ожидать, я не получила. Бездействовать – времени почем зря терять. Нужно все же отыскать газету и удостовериться в своих подозрениях. Как назло, на глаза попался только сервант с посудой. И чего там только не было! Вся разновидность фарфоровой посуды от обычных чашек с блюдами до супницы, как и молочники с пиалами, серебряные ложки-вилки и подносы, хрустальные графины с бокалами и стопками. Всего полно.

Что-то гроыхнуло на кухне, заставив меня вздрогнуть, словно меня застали на краже. Видимо, Дарья Матвеевна уронила что-то. Это и привело меня в чувство. Я лишь мельком отметила рояль в углу, накрытый кружевной салфеткой, открытую нотную книгу, словно сам барин играл и не доиграл. На рояле сиротливо лежал веер, но я знала, что супруги у Петра Николаевича не имелось. Дочь?

Но главная гордостью гостиной все же был беломраморный камин с чугунной решеткой. На полке над ней стояли бронзовые часы с танцующими фигурками и фарфоровые статуэтки.

Перед камином расположили глубокие кресла с гнутыми ножками и бархатной обивкой, которая давно потеряла свой яркость и цвет. Видимо, хозяин дома любил проводить здесь вечера, читая газету или книгу и попивая кофе или чай.

Все здесь говорило об уюте и... И об отсутствии твердой женской руки. Хотя и было везде чисто и натерто до блеска, хозяйка не допустила бы такого, как выцветшие обивки мебели и обои. Но, а их дети?

Не став заикливаться на этом, поспешила прочь из гостиной. В поместье барина должен быть кабинет хозяина дома. Там уж точно имелись газеты и корреспонденция. Немного поплутав в коридоре и, на свое счастье, не столкнувшись ни с кем из слуг, я все же нашла искомую комнату.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Я как можно аккуратно и тихо заглянула внутрь. Массивный письменный стол, заваленный бумагами, чернильница с пером, книжные шкафы, доверху набитые печатными изданиями. И главное, никого. Смело толкнула дверь. На глаза попались висевшие на стене шпаги в ножнах. Хмыкнула и невольная улыбка появилась на лице. Ведь мой дальний родственник тоже мог бы так повесить свои шпаги, что получил в подарок не только за военную службу и верность империи, но и за достижений в сельском хозяйстве.

Опомнилась и мои глаза забегали по кабинету барина. Ведь я явилась сюда не для того, чтобы предаться воспоминания, а за конкретным делом. На мое счастье, искомые мной газеты лежали на резном комоде рядом с графином воды. Но не успела я взять в руки исторический вестник, как услышала за спиной шаги, а следом недовольный голос.

– Что ты тут забыла, Настасья?

Я едва успела спрятать газету под платок, которым укрыла меня Дарья Матвеевна. Какая полезная вещь, однако.

– А ну живо отвечай! Иначе я пожалуюсь Антипу.

Услышав имя приказчика, замерла. Встретаться с Антипом желания не было. Нисколько. Женщина за спиной нетерпеливо постукивала обувью по полу в ожидании моего ответа, но я не торопилась что-то говорить, а, тем более, оправдываться. Точно не перед этой, даже если она доложит Антипу об этом происшествии. В этом я нисколько не сомневалась.

Я медленно развернулась в сторону говорившей и увидела перед собой Анфису. Ту самую, которая перед всеми подтвердила слова Антипа, что это именно Настасья уронила вазу барина. Женщина уперла руки в бока и теперь смотрела на меня недобрыми глазами. Первое желание: схватить негодяйку и оттащить за волосы, чтобы не посмела больше врать, я еле затолкала внутрь. Телосложение Настасьи было хрупким, словно ее долгое время держали на воде и одном хлебе, еще и после болезни сил совсем не было. Мне бы дойти скорее до каморки девушки и прилечь. Права была Дарья Матвеевна, что мне нужно побольше отдыхать, чтобы быстрее восстановиться. К тому же, тронь я эту противную женщину хоть пальцем, мне же и попадет. В том, что Анфиса спелась с приказчиком, я не сомневалась, как и в том, что именно из-за этой гадюки на голову Настасьи сыпались неприятности. Как с ними бороться, я подумаю чуть позже. Мне бы сейчас избежать неприятностей. Судя по решительно настроенному лицу Анфисы, мне будет нелегко от нее отделаться.

– Дарья Матвеевна попросила оторвать календарь, – нашла я что ответить женщине, заметив на столе барина календарь, отдаленно похожий на отрывной, который висел у каждой хозяйки дома. Там можно было найти рецепты, советы по хозяйству и много чего полезного. Только этот был громоздкий и стоял на столе.

Анфиса прищурилась, пройдя по мне сверху вниз, лишь после посмотрела на стол барина. И на мою беду, лист календаря был на месте.

– Чего же тогда не оторвала? – шагнула она ко мне, напирая и подозрительно сощурилась глаза.

– Так ты появилась, напугала меня, – глупее ничего не придумаешь. – Не успела я. Только наклонилась было, а тут ты разоралась, будто барина нашего обкрадывают.

Договорила и шагнула к двери, обводя служанку по кругу. В кабинете барина Анфиса появилась не просто так. И не из-за того, что следила за мной. Ей было некогда. В любое другое время она бы не упустила возможности приглядывать за мной и с удовольствием бы доносила обо всем Антипу, но не сегодня. Женщине нужно было убраться в кабинете. На полу возле двери стояло ведро и лежала тряпка. Видимо, на днях барин должен был воротиться из столицы в поместье.

– А ну стой-ка, – остановила меня Анфиса, больно схватив за локоть. – Не верю я тебе, Настасья. Уж больно подозрительно ты выглядишь. Пошли-ка к Дарье Матвеевне. Пусть она сама лично подтвердит твои слова.

Я не стала упираться. Отчего-то именно в кухарке у меня не было сомнений, что из-за бедной Настасьи та подтвердит если и не что угодно, но многое точно.

Анфиса повела меня по коридорам и буквально затолкала на кухню. На шум наших шагов Дарья Матвеевна тут же развернулась, отвлекшись от готовки.

– Ты почему до сих пор на ногах? – возмутилась женщина, но тут же прикусила язык, стоило ей взглянуть на Анфису.

Кухарка переменялась на глазах. Подбоченилась, совершенно не обращая внимания на то, что с ложки что-то капало на пол. Вся ее негодование было направлено на Анфису. Ведь женщина не успела и рта раскрыть, как Дарья Матвеевна накинулась на нее. На мое счастье.

– Опять?! – громыхнул по кухне голос кухарки. – Ну что ты за человек такой, Анфиска? Что ты к ней опять прицепилась? Что такого Настасья тебе сделала, что ты каждый раз ее тюкаешь да тюкаешь? Сколько можно уже? Ты, Анфиска, как петух на насесте, только и делаешь, что Настасью заклевать норовишь. Не устала еще гадости свои творить?

Анфиса лишь высокомерно подняла подбородок. Видимо, так привыкла к своему положению “любимой крепостной”, и не собиралась отступать от своего. Так кто же откажется от такого-то! Я бы и сама не отказалась быть любимицей, но в другом русле.

– А что, Дарья Матвеевна, разве иной раз нельзя правду сказать? Опять эта...

– Настасья! – перебила ее кухарка, так что не только Анфиса, но и я вздрогнула на пару с ней. Такой кухарку я еще не видела. – Не эта, у нее имя есть. Ну какая еще правда?! Ты сама с утра до вечера только и делаешь, что по углам шныряешь да на людей клеветашь! И не смей ее больше трогать! Настасье после горячки отлежаться надо. Если у тебя, Анфиса, у самой дела нет, так иди полы мой, а не невинных девушек задирай! А то вот приедет барин и я сама к нему пойду. Пусть он разберется, кто тут на самом деле бездельничает! Ишь распоясалась совсем.

Анфиса побледнела, но виду не подала. Видимо, барин к словам кухарки все же прислушивался, раз она напряглась.

– Вон из моей кухни, пока я тебе этим половником по лбу не треснула! – рывкнула кухарка, хватая со стола чугунную сковороду. Да так, что и мне захотелось сбежать от разъяренной женщины.

Анфиса фыркнула, зыркнув на нас с превосходством, развернулась и вышла, громко хлопнув дверью. Я же осталась стоять на том же месте, не зная, куда деваться и что сказать Дарье Матвеевне в знак благодарности.

– Ну чего ты стоишь как столб и молчишь? – смягчившись, сказала кухарка. Видимо, начала отходить. – Марш в постель! А коли эта змея опять приставать будет, то ты прямо ко мне беги. Я ей покажу, где раки зимуют!

И, сердито хмыкнув, кухарка снова принялась за готовку, ворча себе под нос что-то про нахальных девок и распущенность. Я не стала задерживаться на кухне и поспешила в каморку Настасьи. Ведь под боком меня ждала с таким трудом добытая газета. Я наконец-то могла узнать интересующее мне.

Глава 6

Глава 6. Попала так попала!

Настасья

Дверь в каморку девушки закрылась с тихим скрипом, словно о чем-то хотела меня предупредить. Поежилась и наконец смогла перевести дух, спиной прижавшись к дверному полотну. Но тут же оттолкнулась, почувствовав боль. Сердце бешено колотилось, словно я убегала от стаи волков, не иначе. Казалось, что его удары слышны даже за стенами комнаты. Еще немного постояв, успокаивая себя, как и прислушиваясь к звукам в коридоре, я отошла от двери. Осмотрелась, выискивая тяжелый предмет для того, чтобы подпереть в дверь. С Анфисы станется не вовремя заглянуть ко мне. Обычно это так и случается, когда в самый неподходящий момент тебя тревожат. Закон подлости.

Кроме сундука ничего на глаза не попадалось. Пришлось тащить до двери его, чтобы никто не смог войти и помешать мне. Дотащила и присела на него, переводя дыхание. Пот градом стекал с меня, хотя ничем таким не занималась. Руки ходили ходуном. Болезнь давала о себе знать, от которой тело Настасьи все еще не оправилось. После горячки я все еще испытывала одышку и обильное потовыделение. Но я не могла и дальше откладывать изучение мира, куда я попала. Чем раньше начну привыкать, тем меньше риска, что меня раскроют. К тому же, мне много что предстоит выучить и запомнить. Особенно их говор.

Отдышавшись, я взяла в руки газету. Подвинулась ближе к окну, единственному в комнате, чтобы были видны строки. Бумага была желтой, словно она изменила цвет от времени, плотной и шершавой. Газета все еще пахла краской, словно газету никто не листал до меня.

– Столичные ведомости, – прочитала я название газеты на самом верху. Следом тут же начала искать дату выпуска газеты.

– 1 декабря 1830 года, – прошептала я, не веря своим глазам. – Ох! – вырвалось у меня следом.

Кровь застыла в жилах. Газета выскользнула из рук и мягко шлепнулась на пол. Быть такого не может! Я попала почти на двести лет назад. Но как же это?

Наклонилась за газетой и снова и снова читала название и дату. Даже на некоторое время закрывала глаза, надеясь на то, что это может что-то изменить. Нет. Та же каморка Настасьи, газета в руках. Ущипнула себя. Вдруг это все один страшный сон. Нет, и боль реальна, как и мир, куда я попала. Обстановка и речь слуг в поместье это тоже подтверждали. И я действительно попала, ведь мало что знала из истории.

“1830 год. Трон занимал император Николай I. До отмены крепостного права еще не одно десятилетие должно пройти. После восстания декабристов всего пять лет прошло, но их уже нет, они в Сибири или на виселицах. А ведь жив еще Пушкин. Да и Тургенев еще не получил свою известность. Все у него впереди. Только не у меня. Скоро вся Российская империя услышит о Гоголе. А что прикажете делать мне?” – чуть не озвучила я свой вопрос вслух.

Господи, какие только мысли не лезли в голову. Я снова выронила газету и закрыла лицо руками. Теперь понятна жестокость Антипа к Настасье. Но слез не было. Я так была ошарашена тем, какой сейчас на дворе год, что не знала то ли плакать, то ли смеяться.

Я выпрямилась, словно нашла выход из положения. Газета была старой, прошлогодней. Ведь на столе барина на календаре значился месяц январь. Жаль, число не запомнила. Значит, пока Настасья бредила в горячке, уже наступил новый 1831 год. Не с этого ли времени мой дальний родственник Шишков начал заниматься сельским хозяйством?

Эта мысль воодушевила меня. Я же могу найти его и попросить принять меня. Попросить защитить, выкупив меня у барина. А я ему помогу! Ведь я писала реферат. Изучила его жизнь. Знала про его ошибки и достижения. Я могла помочь ему!

Я вскочила на ноги и начала ходить вдоль кровати. Три шага в одну сторону, три шага обратно. За окном скрипели полозья саней, слышались голоса мужчин, недовольный окрик Антипа. Я ломала руки, пытаюсь унять дрожь во всем теле.

– Что делать? Кому сказать? Да и кто мне поверит? Как быть? – говорила я сама собой, пока не услышала шаги за дверью. Притихла, следом дернули ручку.

– Настасья? – услышала я голос кухарки. – Зачем ты закрылась?

Дарья Матвеевна несколько раз подергала ручку двери, но я так и не отозвалась.

– Уснула, видимо, бедняжка, – проговорила она и ушла.

Я подняла газету с пола, вглядываясь в строки, словно ища в них подсказку или намек. Зачем-то же я попала в это время. Чую, неспроста. Боги такими вещами не играют.

– Высочайшим указом Его Императорского Величества... Не то, – мои глаза прыгали по строчкам. – Международная торговля. Не то... Французский посол выразил обеспокоенность... Тоже не то... Студенты Московского университета выявили... Не то. Все не то.

Я закрыла газету. Ни слова о продвижениях в сельском хозяйстве. Но как же? Ведь мой родственник уже должен был засеять поля сахарной свеклой и построить завод для его обработки. Об этом должны были написать!

– Дарья Матвеевна должна знать, – вслух проговорила я и принялась оттащить от двери сундук.

Я должна узнать имя барина и каким-то образом уговорить его отправить меня к Шишкову. Другого пути у меня просто нет! Здесь меня точно оставаться не стоит. Антип добьет.

Дарья Матвеевна все также возилась возле плиты. Мой приход она заметила сразу, но ни словом не обмолвилась, продолжая заниматься готовкой. Я тихонько присела на стул и стала ждать, пока кухарка смягчится. Не выдержит доброе сердце женщины, и она сама первая заговорит.

Выдержка кухарки оказалась сильнее, чем я могла предполагать. Я уже устала сидеть в тишине, прислушиваясь к бульканью в кастрюлях, а женщина с половником в руках все продолжала молчать. Когда я уже хотела заговорить первой сама, Дарья Матвеевна все же успела опередить меня.

– Что, не спится тебе? – обратилась она ко мне, продолжая стоять ко мне спиной.

– Не спится, – подтвердила я слова кухарки, шумно выдыхая. Мне хотелось, чтобы Дарья Матвеевна сама начала задавать вопросы.

– Отлежалась бы, пока есть такая возможность, – продолжила она меж тем. – Уж больно Антип ведет себя странно. Не ровен час снова к тебе придерется.

– За что? – удивилась я.

Хотя стоило ли? Настоящая Настасья получила плети ни за что и отдала Богу душу. И никто не остановил приказчика. Все его побаивались. В его руках была и власть, и сила, пока барин отсутствовал в поместье.

– А Антипу нужен повод? – все также вопросом ответила мне Дарья Матвеевна. – Я более чем уверена, что вазу разбила не ты. Ты всегда убираешься аккуратно. К тому же в тот день ты не должна была протирать пыль. Незачем тебе было касаться вазы. Значит, это все черная душа Антипа. Не трогала ведь вазу?

– Не трогала, – тихо проговорила я и опустила голову, словно мне приходилось держать ответ за свои поступки.

– Вот приедет барин, все ему поведаю, – зло проговорила женщина, но я понимала, что все ее негативные эмоции были обращены не в мою сторону.

– Когда нам барина ждать? – поинтересовалась я как бы невзначай. – Подготовиться бы к его приезду.

– Кто же его знает, – получила я ответ. – Должен был воротиться еще вчера, но, видимо, погода не задалась. И куда тебе подготовиться. Вон Анфиска пусть в барских покоях уберется. Уж больно у нее времени много за другими следить. Вот пусть перинами и займется.

Голос кухарки был полон неприязни в адрес Анфисы. Сон-воспоминание тоже не показал ни крупницы теплых моментов, связанных с ней.

– Дарья Матвеевна, – обратилась я к женщине. – Не думайте, что я сошла с ума, но, – все же замялась я перед тем, как озвучить свою просьбу. – Расскажите мне про барина и про обитателей поместья. Пока я валялась в горячке, у меня в голове все перемешалось. Словно я не просто бредила несколько дней, а прожила отдельную жизнь. Там, в той стороне, с другими людьми. Теперь я не могу понять, где явь, а где все же сон. Мне кажется, что я проживаю чужую жизнь. Все перемешалось. И мне страшно...

Договорила и задержала дыхание, ожидая реакции на свои слова. Пронесет или Дарья Матвеевна испугается? Ведь в это время вера в Бога была сильна и непоколебима. Про переселение душ и не стоило заикаться.

– Боже помоги! – всплеснула руками кухарка и все же соизволила повернуться ко мне лицом. – Что же ты раньше не сказала? Тебе точно нужно отлежаться. Другие неделями маяться, с постели не встают. А ты не успела на ноги встать, как тут же горным козликом скакать. Куда такое годится? Неудивительно, что у тебе все мерещится. А ну пошли!

Меня буквально заставили принять вертикальное положение. Цепкие руки кухарки не давали возможности и шагу в сторону ступить. Дарья Матвеевна повела меня не куда-нибудь, а в сторону каморки Настасьи.

– Пока не приедет лекарь и не скажет, что с тобой все хорошо, будешь лежать в постели и набираться сил.

– А как же Антип? – мне не хотелось снова испытать гнев приказчика на себе и своем теле.

– С ним я сама решу, – уверенно произнесла Дарья Матвеевна. – Барин не простит нам, если и с тобой что-то случится. По приезду сразу потребует тебя к себе.

Что-то в словах Дарьи Матвеевны меня насторожили, но я не смогла ухватиться за них. Все внимание на себя перетянула кухарка. Женщина буквально уложила меня на кровать, укрыла одеялом, подоткнула его края. Поправила подушку, затем огляделась, словно выискивала, что бы еще сделать, чтобы мне было комфортно. И тут она заметила газету, которую я забыла убрать, спрятать от чужих глаз подальше. Лучше было бы, если я вернула ее в кабинет барина, но я боялась попасться на глаза Анфисы или, не дай бог, приказчика.

– Все же у тебя получилось, Настасья? – радостно воскликнула кухарка, хватаясь за газету. – Сумела?

Я удивленно смотрела на женщину, совершенно не понимая, о чем она. Были, конечно, догадки, но я боялась их озвучить. Пусть уж лучше я услышу от самой женщины, чтобы не попасть впросак.

– Только не говори, что из-за горячки ты все подзабыла, – тут же всполошилась она, заметив мой непонимающий взгляд. – Настасья! – в голосе кухарки сквозило недовольство. – Барин столько времени занимался с тобой, обучал, учил читать. Теперь что же? Все напрасно? Петр Николаевич будет разочарован.

– Все хорошо, Дарья Матвеевна, – попыталась я успокоить женщину. – С этим как раз все в порядке. Не забыла я то, чему меня барин учил.

Ну хоть в этом повезло. Ничего придумывать не придется. Иначе как бы я объяснила, что умею и читать, и писать?

Женщина не поверила мне на словах. Она протянула мне газету и присела на край кровати.

– А ну почитай мне что-нибудь.

Пришлось присесть и взять в руки газету. На глаза сразу попала заметка про студентов.

– Студенты Московского университета выявили, что новая болезнь, что оккупировала город, распространяется дальше и приняли меры для борьбы с эпидемией, – еле прочитала я начало статьи по слогам и ужаснулась.

Только этого нам не хватало! Не все я учла...

– Думаю, в ближайшее время нам придется обходиться без барина, – проговорила я вслух, вспоминая историю.

Ведь эпидемии в эти времена, не только упомянутая холера, не щадила никого, не смотрели на статус.

Глава 7

Глава 7. Тревожные дни

Настасья

Дарья Матвеевна не сразу поняла про эпидемию холеры. Сперва пришлось объяснить ей про болезнь.

– Ох! Напасть-то какая! – охала она периодически, прерывая мои объяснения про новую болезнь, что охватила многие регионы Российской Империи.

Пока она зверствовала только в столице и Москве, но не ровен час, доберется и до деревень. Ведь многие помещики начнут покидать город, направляясь в свои поместья, чтобы переждать эпидемию. И привезут болезнь с собой.

– Главное, Дарья Матвеевна, не паниковать, – пыталась я успокоить женщину. Ведь противоядия против холеры не было, как и волшебной пилюли. Только правила, которые следовало соблюдать беспрекословно.

– Что с нами будет-то теперь? – причитала кухарка, игнорируя мои слова и вытирая слезы. – Конюхи поговаривали, что Головнины в поместье свое пожаловали. В такое время они всегда в столице задерживались. Их тоже мор проклятуший погнал значитесь? – Дарья Матвеевна перекрестилась. – Не зря Акулина из церкви не вылезает да молитвы читает. Там слух ходит. Поговаривают, что люди падают как мухи да тут же синеют. Мы не верили, отмахивались от нее. Неужто это она и есть ваша холера? Мы-то думали, что анисовка во всем виновата. Мужиков ругали.

– Она самая, – кивнула я, не выпуская газету из рук. Мне нужно было прочитать ее полностью, каждую строчку и каждое слово. Если повезет, то найти предыдущие номера, что получал барин. Теперь они для меня ценная кладезь информации.

Кухарка начала бормотать про наказание Божье за свои грехи и поступки, упоминая имя некоего отца Георгия. В глазах женщины я видела испуг.

– Это не мор и не Божье наказание, Дарья Матвеевна, – заговорила я, трясая перед ней газетой, как и стараясь вложить в голову женщины простыми словами всю суть медицины по нынешним временам. – Здесь пишут, что это болезнь. Просто особая лихорадка. И рождается она от нечистоты, а не от того, что ты не посетила воскресную службу в церкви и не держала пост. В будущем я бы избегала церковь, – проговорила я и тут же поймала прищуренный взгляд женщины. – Из общей посуды ничего нельзя ни есть, не пить!

Чуть же тут не застонала, понимая, что убедить их избегать скопления людей будет весьма трудно и проблематично. Про медицину они и слышать не хотели, веря в Божью силу и в дурной глаз.

– Помолиться можно и дома, а в церкви велик риск, что ты подхватишь эту заразу. Вот послушай, что пишут, – решив, что слова из газеты помогут мне убедить Дарью Матвеевну в своих словах, я сделала вид, что продолжила читать статью. Читала я медленно, слогами. – Холера – особая лихорадка, что поражает живот и другие внутренности. Зарождается она в грязи, в стоячей воде, в испорченной пище. Попадает в рот с немытыми руками, с грязной водой, с плохо вымытыми овощами. Заболевший человек может умереть за сутки. Кишечник его выворачивает наружу, тело молниеносно худеет. Спасти почти невозможно, – на этих словах Дарья Матвеевна вздрогнула и, бледнея, снова перекрестилась, начав шептать молитву.

– Эх, Настасья, не успела я выдать тебя замуж, – выдала она после, пока я искала слова, как бы дальше рассказать про то, как можно защититься от болезни. – И платье себе сшила. Думала, на свадьбе твоей станцию. Детей твоих понянчу.

– Станцует еще, – коснулась я руки кухарки. – Болезнь эта в столице только гуляет. Мы же защитимся от нее. Будем бороться с ней!

Дарья Матвеевна начала читать “Отче наш”.

– Вот слушай дальше, что пишут, – снова взялась я за газету. – Воду, говорят, надо брать только из ключа или колодца. Никакой речной воды. Бочонки для воды каждый раз нужно тщательно мыть. Всю посуду ошпаривать кипятком. Руки мыть с мылом не только перед готовкой, но и после каждой работы. Овощи и фрукты мыть щеткой и обдавать кипятком. Мясо и рыбу варить до полной готовности, никакой крови. Молоко кипятить дважды. Все продукты держать закрытыми от мух. Мухи, Дарья Матвеевна, главные разносчицы этой заразы. И еще... – я остановилась и посмотрела кухарке в глаза. – Если у тебя или у кого из дворни случится малейшее недомогание, малейшее расстройство живота, надо немедленно сообщить. Не скрывать! Не из страха быть наказанным Антипом, а ради спасения всех нас. Надо бы и остальных предупредить, пока холера не добралась и до нас.

Глаза кухарки сначала были полны суеверного страха, теперь же внимали со всей серьезностью. Она была простой женщиной, но ум у нее был ясный. Страшная и непонятная болезнь для нее вдруг обрела четкие границы. И с этим уже можно было бороться. Как говорят у нас? Глаза боятся, а руки делают.

– Антип-то наш как бы не разъярился, – молвила она, вставая с кровати. – Он этим газетам не верит. Да и барин далеко.

– Поверит, когда другие начнут болеть. Да и барин наш скоро приедет, как только там поймут, что он не болен, – успокаивала я кухарку.

Мне и самой хотелось верить в свои слова. Ведь без барина невозможно было осуществить мои цели попасть к помещику Шишкову. Да и запастись бы упомянутой кухаркой анисовкой. Ой чую, пригодится.

Вечером я долго не могла уснуть. Вспоминала, какие прививки мне делали в детстве, а какие мы могли пропустить. Правда, от холеры меня не спасло бы даже это. Таблетки для профилактики нужно применять непосредственно тогда, когда поблизости найдут вспышку эпидемии. Только откуда здесь таблетки? Порошки да и только.

Так и не найдя успокоения, решила выйти на улицу подышать свежим воздухом. Даже короткая прогулка на мороз обычно быстро загонял в сон. К тому же, я так и не осмотрелась на новом месте из-за страха пересечься с Антипом и с Анфисой.

Сейчас же мне необходимо было оказаться на улице. Вскочив с постели, чуть ли не в сорочке выскочила в коридор. Но вовремя вспомнила про сальные взгляды приказчика на Настасью и накинула на себя домашнее платье. Взяла платок и, как воришка в ночи, выглянула в коридор. Весь дом спал, но я все же прислушивалась к каждому звуку, замерев на несколько минут. Ни звука, ни единого шороха. Засеменила в сторону выхода. К коридорам поместья я уже привыкла. Возле двери стояла зажженная лампа. Видимо, на всякий случай.

Схватив лампу, выскочила на крыльцо. Морозный воздух тут же обжег горло, следом и легкие, словно я проглотила множество иголок. Замерла и задышала медленно, давая себе привыкнуть. Голова немного закружилась. Определенно нужно почаще бывать на свежем воздухе.

Задний двор оказался большим и со множеством строений. Ступив на уже утоптаный снег, замерла любуясь. Снежинки падали с неба, щекоча меня по лицу. Мне захотелось раскинуть руки и закружиться и упасть в снег на спину, рисуя ангела, как мы делали в детстве. Но не рискнула. Я только на днях встала на ноги, в которых все еще чувствовалась слабость.

Пугала и тишина. Такой тишины я никогда не слышала. Даже на кладбище, куда я ходила к родителям, такого затишья не было. Ни гула машин, ни звука работающих фонарей, ни крика соседей. Только хруст снега под моими ногами.

По спине пробежал холодок, от ночного мороза не спасал даже пуховый платок. И я решила вернуться в дом. Да и что я увижу ночью? Упаду в яму да и пропаду. А так мне судьба дала второй шанс. Нечего разбрасываться такими подарками.

Вернувшись в дом также тихо, как и уходила, завернула на кухню. Захотелось воды. Оказавшись в тепле, меня начало бросать то в холод, то в жар. Неужели я поторопилась выйти на свежий воздух, тем самым сделав себе только хуже? Но паниковать было еще рано. Переждем ночь и там посмотрим. Не став греметь посудой среди ночи в поисках отвара кухарки, налила себе из кувшина воды. Тут же осушила кружку до дна. И не сразу услышала звуки шагов за спиной.

Развернувшись лицом, заметила, как от двери отделилась фигура. Сердце бешено застучало, узнав в тени приказчика Антипа. Он не стал ждать и стоять в проеме двери, преграждая мне путь и ожидая, когда я пройду мимо него. Мужчина шагнул ко мне.

– Что же ты не спишь, Настасья? – просипел он, оказавшись в шаге от меня.

В нос тут же ударил запах пота, лука и еще чего-то кислого. Страх сковал все мое тело. Вместо того чтобы сбежать, я стояла и смотрела на приказчика расширившимися от ужаса глазами. Антип будто только этого и ждал, став ко мне вплотную. Я слышала как билось мое сердце. Как у птицы, что попала в клетку, и которая понимала какая участь ее ждет.

“Настя, беги!” – кричала я самой себе, пытаюсь привести себя в чувство. Но я так и стояла каменным изваянием, пока шершавая ладонь не коснулась моего запястья.

Вот тут я пришла в себя. Отшатнулась от мужчины, но сбежать не получилось.

– Антип Гаврилович, пустите... Ради Бога, – вырвалось у меня. – Пустите, – голос словно был не мой.

– Ну какой бог, Настасья, – приказчик приблизил лицо и мою щеку опалило его неприятным дыханием. – Не упоминай его имя в суе. Тут я твой бог. И не думай поднимать шума. Кому ты, сиротинушка, нужна? Кто за тебя заступится?

Слова Антипа заставили вспомнить картину, как все стояли и смотрели, как приказчик опускает на спину Настасьи розги. Никто не смел тогда не только остановить его, но и приблизиться никто не осмелился.

Пока я стояла и хлопала глазами, Антип всей своей тушей прижал меня к стене, лишая воздуха и воли. Гнусные слова лились в ухо, одновременно обещая и угрожая. Видимо, тело Настасьи помнило прежние приставания и слова мужчины, что никак не хотело меня слушаться. Меня сковал ужас. Я зажмурилась, пытаюсь отстраниться от происходящего, уйти в себя, чтобы найти в себе силы противостоять Антипу. Не раз слышала, что в таких случаях не стоит сопротивляться. Рукой шарил по стене рядом, пытаюсь схватить хоть что-то, что помогло бы мне в схватке с приказчиком. Я старалась не думать о мерзких поцелуях мужчины, что оставляли неприятный влажный след. От них можно отмыться. Главное, не дать ему сделать непоправимое.

И когда он схватился за подол платья, судорожно поднимая его в желании стянуть с меня, уже хрипя от предстоящего удовольствия, я услышала звук. Сначала отдаленный, едва уловимый, словно перезвон колокольчиков.

– Отпустите, барин едет, – еле сумела вымолвить я, положив руки на плечо мужчины и пытаюсь его оттолкнуть от себя. Видимо, странные звуки придали мне сил.

– Барин еще не скоро будет. В такую погоду он не рискнет выйти в дальнюю дорогу, – и Антип принялся снова лезть мне под платье, но замер.

За окном послышался отчетливо различимый звук полозьев. Приказчик замер, а его хватка ослабла. Я смогла выдохнуть, когда звуки стали громче. Кто-то подъехал к крыльцу.

–Тп-р-ру! – раздался мужской голос в ночной тишине, затем фырканье лошадей.

Антип отпрянул от меня.

– Кого еще на ночь принесло? – возмутился он, отступая к двери, и вышел из кухни, забыв про меня.

Я же сползла на пол, не найдя в себе силы уйти в комнату. Ночной незванный гость стал моим спасителем.

Глава 8

Глава 8. Барчук

Настасья

Сколько времени так просидела – не знаю. В голове стучало набатом: мне удалось спастись от приказчика. Не это ли главное? Слез не было, только страх, который потихоньку начал отпускать. Я поднялась на ноги и присела. Во двор выходить не торопилась, там справятся и без меня. Но шум не стихал, голоса лишь усиливались. На кухне появилась сонная Дарья Матвеевна.

– Ты чего на ногах среди ночи? – удивилась она, кутаясь в шаль. – И кого там принесло посреди ночи?

Я не знала ответа на ее вопрос и потому пожала плечами. Кухарка, как и все любопытные люди, не удержалась и вышла во двор. Страх полностью отступил, но вместо него появилась тревога, будто звон колокольчиков, призывая беду.

– Барчук! – услышала я крик челяди. – Барчука привезли! При смерти...

Слова Митрия или Степки, которые всегда ходили вместе, заставили меня вскочить. Я прилипла к окну. Поместье, до этого спавшее мертвецким сном, ожило. Усадьба тут же зажила как по мановению волшебной палочки. Зажглись лампы, перекрикивались слуги. Многие крепостные, накинув на себя поддевки, окружили сани. Самого барчука, как все выкрикивали, не было видно. Я так понимала, что приехал сын барина. Но где же сам хозяин?

– Настасья! – вздрогнула я от крика кухарки, отлипнув от окна. – Ставь чайник. Нам понадобится много кипяченой воды. Сама смерть решила посетить дом барина.

Дарья Матвеевна без сил упала на стул. Ее лицо было белее снега.

– Какая еще смерть? – взглянула я на кухарку, не совсем понимая, о чем она талдычила.

– Холера твоя, будь она неладна, – выдохнула она. – Барчук при смерти. С саней не встает. Накликали беду своими разговорами.

Не выдержав, выдернула из рук кухарки шаль и выбежала на крыльцо, затем медленно приблизилась к саням. На сене, укрытое тулупами, лежало тело без какого-либо движения. Я вздрогнула.

«Неужели уже умер?» – пронеслось у меня в голове.

Но протяжный стон барчука напугал всех крепостных, собравшихся вокруг.

Его лицо было серо-землистым, глаза закрыты. От него исходил сладковато-кислый запах, что говорило о том, что он болен холерой и по видимому рвало всю дорогу.

Я отпрянула от саней. Лишь бы пронесло...

– Что, Настасья, испугалась? – рядом снова оказался Антип, но сейчас он не вызывал у меня страха. В санях лежала более страшная угроза. – Правильно делаешь. Барчук быстро покажет тебе, где твое место.

Мне хотелось высказаться приказчику, но слова не шли. Я все смотрела на сани и понимала, что сама смерть явилась за нами. Теперь ни дня не будет покоя в поместье. Даже ужас перед приказчиком отступил на задний план.

– Несите его в дом! – прикрикнул Антип, сторонясь.

Мужики тут же засуетились. Степка и Митрий оказались проворнее и силы в них было немерено. Барчука они подняли как маленького ребенка. Но не успели вытащить его из саней, как молодого барина вырвало. Все ахнули и шагнули назад, замерли, не понимая, что делать дальше.

– Барчука в ванную комнату, а все это сожгите, – указала я на сани. – И всю одежду, которая испачкалась. Сами тоже умойтесь, желательно с мылом.

Слуги, не веря своим ушам и глазам, уставились на меня.

– Если жить хотите, то сделайте так, как я велю, – развернулась и вернулась в дом.

На кухне причитала Дарья Матвеевна, гремя кастрюлями. Но у меня не было сил ее успокаивать. Меня бы кто утешил?

– Настасья! Чего это ты приказы отдавать начала? – в дверях стоял Антип, положив руку на рукоять своей плети.

– Угомонись ты, Гаврилыч, – перебила его Дарья Матвеевна. – Лучше бы прислушался к словам Настасьи. Это не барчук домой вернулся, это он саму смерть к нам привез.

Приказчик стоял в дверях и смотрел на кухарку как на сумасшедшую.

– Слышал слухи про лихорадку, что косит людей как косой? В соседних имениях крепостные мрут как мухи, – на слова женщины Антип лишь слегка повел головой. – Эту хворь и привез барчук. Теперь его жизнь в руках Божьих. Как и наши жизни.

– Сожгите сани и все вещи барчука, иначе зараза не пожалеет никого в поместье. Никого не пощадит, – увереннее заявила я. – Барчука бы вымыть и переодеть в чистое. Поить каждые полчаса и только кипяченой водой. Самим тоже мыть руки как можно почаще, – чуть ли не скороговоркой выпалила я. – И не впускать чужих ни во двор, ни в поместье барина. От греха подальше закрыть бы ворота.

Антип простоял еще немного и вышел. Я выдохнула. Ну хоть одну ступеньку мы преодолели. Осталось только разобраться с барчуком и постараться вылечить его, если такое возможно.

– Дарья Матвеевна, есть среди слуг те, кто хорошо шьет? – обратилась я к кухарке.

Лечь спать уже не получится. Да и скоро рассвет. К тому же дел теперь невпроворот.

– Хорошей вышивкой может похвастаться только Мария. Позову ее, – женщина вышла из кухни.

Я же занялась поиском трав. Дарья Матвеевна, как и все запасливые люди, должна была запастись разными травами и еще летом засушить их впрок. Мои догадки оказались верными, когда я нашла холщовые мешочки, в содержимом которого не стоило сомневаться. Ромашку я тут же отложила в сторону. А вот наличие цикория удивило. Но я не раз слышала, что отвар цикория выступал панацеей от всех болезней. Чем черт не шутит! Вреда так точно.

Довольно скоро Дарья Матвеевна привела Марию. Женщина не сразу поняла, что я от нее хотела, но в итоге мне удалось объяснить. Я хотела сшить для всех присутствующих в поместье подобие медицинских масок. При любых болезнях врачи советовали их носить. Не особо верила в их эффективность, но предостеречься все же стоило. Как говорится, береженого Бог бережет. Теперь наши жизни полностью были в руках Божьих. И, конечно же, в наших.

Но открытым оставался еще один вопрос: кто будет ухаживать за барчуком?

Дарья Матвеевна отпрянула от меня как от прокаженной.

– Я за анисовкой, – проговорила она и трусливо сбежала.

Вздыхнув, я направилась в комнату барчука, куда его уложили.

Дверь в комнату барчука я открыла медленно и с некой долей страха. Словно боялась, что на меня могут накричать за то, что побеспокоила его. Но больше страшило другое. Ну а вдруг?

Просунула голову и взглядом тут же уперлась в тело на кровати. Мужчина неподвижно лежал на покрывале в той же одежде, в каком его принесли сюда.

“Вот же черти! – выругалась я мысленно на Степку и Митрия, шагнув в полумрак комнаты. Лампы и свечи не справлялись с освещением, словно сама смерть нависла под потолком. – Не могли нормально уложить в кровать, а прежде раздеть?”

Притворила за собой дверь. В комнате уже стоял тяжелый спертый запах, в словно в доме годами жил тяжело больной, к тому же и лежачий человек. Сладковатый запах пота перемешивался с кислым, вызывая позывы рвоты. Прикрыла нос, чтобы не реагировать так остро, и шагнула к кровати. Придется перетерпеть. Умирать мне не хотелось, и чтобы самой остаться в живых, нужно было вытащить из лап болезни самого сына барина.

На подушке покоилась голова барчука. И было непонятно, что белее, наволочка или лицо мужчины. Он спал, но промежутками стонал и метался, будто ему снился кошмар. Черные волосы прилипли ко лбу, что мне захотелось их откинуть в сторону. Губы сжаты, словно барчук злился, но я понимала, что это скорее от боли.

Первую мысль позвать на помощь, я отмела. Чем меньше людей будет пересекаться с больным, тем лучше. Так зараза меньше будет распространяться. Придется со всем справиться самой. К тому же, не очень-то приятно болеть и при этом лежать в одежде, который сковывает не только движения, но и не дает телу дышать.

В дверь постучали. Я аж подпрыгнула от неожиданности.

– Настасья? – тихонько позвала Дарья Матвеевна. – Ты там?

– Да, Дарья Матвеевна. Что-то случилось? Кому-то еще стало плохо?

– Типун тебе на язык! – воскликнули за дверью. Я была уверена, что кухарка следом наложила крест. – Я таз принесла, как ты просила, и ведро воды с чистыми тряпками. Оставлю тут.

Грустно улыбнулась. Страх женщины я понимала. Кому не хочется жить, пусть и в не очень завидных условиях? Теперь я в теле крепостной, и свободу получу нескоро. И если не постараюсь сама что-то изменить, то и не доживу до свободы. Приказчик не даст.

Занесла в комнату тазик и ведро, поставила их возле изголовья кровати. На всякий случай. Скорее всего, острый период болезни уже прошел, но все равно хотелось бы предотвратить непредвиденные случаи. Затем занялась одеждой барчука, у которого и имени не знала.

“Симпатичный”, – подумала я, глядя на изможденное лицо мужчины.

Несмотря на болезнь, аристократические черты не спрячешь. Порода все равно оставалась породой. Как любила поговаривать моя бабушка, сколько жемчуг не пачкай, он все равно останется жемчугом. А сколько камень не три, из него бриллиант не сделаешь.

“Интересно, что его привело в поместье? Неужели в городах ситуация намного пугающая и ужасающая, чем мы могли бы представить?” – за своими думами и не заметила, как раздела барчука до нижней одежды.

Решила оставить так, хоть и нижняя рубашка была влажной. Придется потерпеть. Как только баня будет готова, Степка и Митрий умоют барина, тогда и переоденем во все чистое и сухое.

Когда я уже собралась уходить, барчук снова застонал. Я присела на кровать и приподняла его голову, преподнесла стакан к его губам. Барчук сделал несколько глотков и затих. Видимо, сил у него совсем не осталось. На его лбу выступила испарина. Намочила лоскут льняного полотна, что вместе с тазом принесла Дарья Матвеевна, намочила его в воде и провела по лбу барчука. Он вздрогнул, но затем повернул в мою сторону лицо. Пришлось провести мокрой тряпкой по щекам и по шее, даря барчуку облегчение.

Мне было жаль его. Я смотрела на барчука и не знала, как могла ему помочь. Облегчить страдания еще куда не шло. Заставить пить через каждый определенный промежуток времени для меня несложно. Но как вырвать его из лап смерти? Хотя шансы, скорее всего, велики, раз он сумел доехать до поместья отца. Я не врач и далека от медицины, но знала, что если человек не отдал богу душу в острый период болезни, то возможность выздороветь возрастала во сто крат. Значит, организм у барчука сильный. Надо только ему немного помочь.

Перед своим уходом снова протерла лицо и шею барчука, напоила водой и оставила отдыхать. Загляну еще раз чуть попозже, когда сама умоюсь и сменю одежду. Нужно соблюдать меры предосторожности. Сперва решила попросить уничтожить тряпки и промыть ведро, чтобы затем принести чистую воду.

– Ох, нам бы только барина дожидаться, – услышала я причитания кухарки. – Не выдержит его сердце еще одной потери.

– Сплюнь, дура! – зло проговорил приказчик. Я замерла, вспомнив ночную встречу с ним. Его голос я бы узнала из тысячи. – Барчука надо выходить. Наш Петр Николаевич уже не молод. Иначе род Шишковых прерывается. Это куда страшнее.

– Чей род? – не поверив своим ушам переспросила я, резко раскрыв двери и шагнув на кухню.

Кухарка вздрогнула, Антип лишь хмуро взглянул на меня, сведя брови и не торопясь мне отвечать.

– Ши-шишковых? – с дрожащим голосом озвучила я фамилию, оседая на пол.

Глава 9

Глава 9. Не чужие люди

Настасья

Силы разом покинули меня. Я совершенно не была готова к такому повороту событий. Что за игры такие? Правда на полу оказаться я не успела. Дарья Матвеевна вовремя спохватил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.